

ТАТЬЯНА
КОРСАКОВА

СЛЕЗА
АНГЕЛА

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К69

Редактор серии *Е. Дмитриева*

Оформление серии *Е. Петровой*

Корсакова, Татьяна.
К69 Слеза ангела / Татьяна Корсакова. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-231717-0

У этого камня есть имя — «Слеза ангела». В его изменчивой, как дым, сердцевине спрятана жизнь. Это не вещь, не украшение — источник вечной молодости, спасение для брэнного тела и... погибель для бессмертной души. Для посвященного охота за камнем — смысл жизни, для непосвященного — смертельная игра.

Светлана оказывается втянутой в эту игру помимо собственной воли. Она последняя хозяйка камня. Вокруг нее — обман и предательство. Чтобы выжить и остаться человеком, ей важно понять, можно ли доверять тому, кто рядом, — самому любимому и единственному...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-231717-0

© Корсакова Т., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Избранница

« ...И поднимался ангел все выше и выше на своих золотых крыльях. И плакал он, глядя сверху на гибнущий город. И рассыпались слезы его, превращаясь в сияющие камни...»

Конверт без обратного адреса Света нашла этим утром в своем почтовом ящике. Совершенно, можно сказать, случайно. Писем она не получала уже лет пять, да и газет не выписывала — зачем, если есть телевизор и Интернет? — поэтому и в ящик практически никогда не заглядывала. Ну, разве что время от времени, чтобы выгresti из него пачку никому не нужных политических листовок и рекламных проспектов. А сегодня ее точно магнитом потянуло.

Магнитом оказалось вот это странное письмо. Если бы не ее фамилия, выведенная мелким каллиграфическим почерком на длинном дымчато-сером конверте, Света, пожалуй, решила бы, что письмо — это прои-ски каких-нибудь сектантов, а так получалось, что по-слание адресное, именно для нее, Светланы Корнеевой, предназначенное.

Только вот тайный смысл этого «письма счастья» она постичь не могла, как ни пыталась. Какие-то пла-

чущие ангелы, сияющие камни, туманные намеки на приход девы-избранницы и грядущего искупления — все очень аллегорично, путано и почему-то тревожно. Именно колкое, ничем не объяснимое беспокойство в самый последний момент удержало Светину руку, уже тянущуюся к мусорному баку.

«Письмо счастья» казалось не просто странным, оно было загадочным. Расплодившиеся в Москве религиозные секты не стали бы тратить на привлечение новых адептов такую качественную, явно недешевую бумагу и не изъяснялись бы полуднамеками. Секты действуют намного прямолинейнее: со свойственной всем подобного рода организациям безапелляционностью вещают о приходе очередного мессии, зазывают на семинары и тренинги. А тут ничего подобного. То, что лежало в конверте, и письмом-то назвать сложно, скорее уж цитатой из какой-то книги или отрывком из дневника.

Разбираться с посланием не было времени: занятия в универе начнутся через полтора часа, а она еще даже не умывалась после работы. Она подумает об этом как-нибудь потом. Возможно, на лекции...

На лекции уделить внимание таинственному посланию тоже не получилось. Стоило Свете развернуть хрусткий, испещренный бисерным почерком лист, как не ко времени активизировалась подружка Ритка. У Ритки случилась любовь с первого взгляда — как минимум пятая за семестр, — и теперь подружке не терпелось поделиться впечатлениями. Впечатления оказались, как всегда, незабываемыми, а кавалер — чистый эксклюзив.

— Прошлый был тоже чистый эксклюзив, — Света зевнула: сказывалась ночь, проведенная на ногах. Ну

его к черту, это письмо-счастье, лучше подремать хоть немного.

— Это ты о том мажоре? — Ритка презрительно фыркнула. — Ну сравнила! Тот маменькин сынок, а этот настоящий мужик, солидный, красивый, щедрый.

Щедрый? Это что-то новенькое. Все предыдущие Риткины ухажеры, безусловно, были солидными и красивыми, но вот со щедрыми ей как-то не везло.

— Он меня в такое место водил, — подружка восторженно закатила глаза.

— Какое? — Света спрятала письмо между страницами конспекта, сдвинулась в сторону, так чтобы широкая спина сидящего впереди старосты группы Ивана Рожка загораживала ее от лекционной трибуны, положила голову на скрещенные руки и прикрыла глаза.

— Не могу пока сказать, — подружка перешла на заговорщицкий шепот, — он просил об этом не распространяться.

— Даже мне не скажешь? — Света открыла один глаз.

— Никому, — Ритка сокрушенно покивала головой. — Ты не представляешь, насколько у них там все круто, почти как взаправду.

— Где — там?

— Там, где я была. Ну, в том месте, о котором нужно молчать.

Света вздохнула. Что еще за тайны мадридского двора? Раньше Ритка делилась с ней всем-всем, даже такими интимными подробностями, о которых запросто можно было бы промолчать, а тут такая секретность.

— Корнеева, ты не обижайся. Хорошо? — подружка погладила ее по плечу. — Я там пообвыкнусь, при-

смотрюсь, а потом, может, он согласится и тебя с собой взять.

— Куда? — Света снова зевнула.

— Туда! Какая же ты непонятливая! Они особенные и почти как настоящие.

— Не нужно меня никуда с собой брать. И вообще, я спать хочу. Отстань, а?

Однако Ритка не отстала. С ловкостью фокусника она выдернула из Светиноного конспекта сложенное вдвое письмо и прочла с придыханием:

— И сказал ангел деде: «Ты избрана, и дар мой — отныне ноша твоя». — Подружка черкнула острым ногтем по письму, оставляя на плотной бумаге глубокую царапину. — Корнеева, что это за ерунда такая?

— Не знаю, — спать Свете хотелось намного сильнее, чем разбираться с загадочным посланием. — Сегодня утром достала из почтового ящика.

— Почерк такой интересный, с завитушечками, — Ритка склонилась над письмом так низко, что едва не коснулась его кончиком носа. — И чернила странные, — она поскребла ногтем одну из букв, — бурые какие-то.

— Может, выцвели?

— Да ну, выцвели! Бумага-то совсем новая, — Ритка задумчиво посмотрела сначала на свой безупречный маникюр, потом снова на письмо и сказала уверенно: — Корнеева, а письмецо-то кровью писано.

— Ну, конечно, чем же еще, как не кровью, нынче письма писать?! — Света отобрала послание, сунула обратно в тетрадку с конспектами, но перед тем, как сунуть, все ж таки на секунду задержала взгляд на и вправду красно-бурых строчках. То, что писали не ша-

риковой ручкой, — это факт. Ну так ведь и перьевые ручки сейчас не редкость. А чернила... Может, некачественные попались... — Рит, я ночь на ногах. Совесть поимей!

Подруга неодобрительно покачала головой, но развивать тему не стала, и на целых сорок минут Света погрузилась в сладкую дремоту. А потом все пошло наперекосяк. Она так расслабилась, что не заметила, как на втором часу лекции Иван Рожок сменил дислокацию, сдвинувшись в сторону. В результате этих его маневров перед Светой образовалась брешь, а сама она оказалась вся как на ладони.

— Корнеева! — Громогласный бас лектора, который по совместительству был еще и деканом их факультета, грубо вырвал Свету из объятий Морфея.

Она встрепенулась, ословело посмотрела сначала на лектора, затем на что-то увлеченно калякающую в тетрадке Ритку — паразитка, хоть бы предупредила вовремя! — пнула ногой стул сидящего впереди Ивана. Тоже хорош гусь — о ближних не думает совсем!

— Корнеева, если вы думаете, что здесь вам зал ожидания, то сильно заблуждаетесь, — декан не поленился, выбрался из-за кафедры, сделал пару шагов по проходу и гневно взмахнул здоровенной деревянной указкой. — Это вам не зал ожидания, любезная! Это лекционный зал. И вести себя здесь надлежит подобающе, как в храме науки! А то привыкли у себя там... — он не договорил, но многозначительно пошевелил кустистыми бровями, давая понять, что в курсе Светиной двойной жизни.

Конечно, в курсе! У самого же рыльце в пушку. А может, хватит терпеть эти бесконечные придирки, взять да

и слить весь компромат на уважаемого декана его дражайшей супруге? То-то она обрадуется...

— Встать, когда с вами преподаватель разговаривает! — гаркнул декан. Это ж надо, с виду сморчок сморчком, а бас — как у армейского командира, да и замашки соответствующие.

Света бросила еще один убийственный взгляд на притихшую Ритку, медленно встала из-за стола.

— А теперь покиньте аудиторию! — Декан уничтожающе улыбнулся. — Завтра жду вас у себя с конспектом лекции. И запомните, Корнеева, я сказал — с конспектом лекции, а не с ксерокопией конспекта.

Вот ведь урод! Света смахнула в рюкзак блокнот. Теперь придется потратить два часа на переписывание этой ахинеи. Декан любит, чтобы все было чистенько-красивенько, без сокращений и, упаси господь, без исправлений. Небось еще начнет красной ручкой грамматические ошибки править, извращенец... Она вышла из аудитории, не забыв при этом громко хлопнуть дверь. Глупо, конечно, конфликтовать с администрацией, но по-другому никак, у нее нервы не железные. Ладно, если станет совсем уж немого, придется-таки прибегнуть к крайним мерам.

В отличие от мрачноватой прохлады университетского холла во дворе было тепло, если не сказать жарко. Света нацепила на нос черные очки, поглубже надвинула бейсболку, уселась в скверике, в уютной тени от развесистых лип, подсунула под ноющую поясницу рюкзак и закрыла глаза...

— ...Корнеева, подъем! Царство небесное проспишь! — Кто-то нагло и фамильярно тряс ее за плечо.

Света открыла один глаз, проворчала:

— Изydi, нечистый.

Иван Рожок, а это именно он пытался призвать ее к порядку, совсем не обиделся, присел рядом и сказал ехидно:

— Извини, я как-то забыл, что на лекциях ты все время спишь. Увлекся.

— Увлекся он. — Света потянулась. — А меня из-за твоих увлечений с лекции турнули.

Иван многозначительно хмыкнул, но в полемику предпочел не вступать и спросил вполне миролюбиво:

— А чего он до тебя докопался?

— Кто?

— Декан.

— Работа ему моя, понимаешь ли, не нравится.

— А он знает, где ты работаешь?

— Как видишь. — Света, покрутив головой, запоздало поинтересовалась: — А Ритка где?

— Отпросилась. Занемогла наша красавица.

— Да что ты говоришь?! — Света всплеснула руками. — А на лекции была здоровее всех здоровых.

— Вот и училась бы у нее, как сухой из воды выходить, — посоветовал Иван. — Ритка никогда ни с кем не конфликтует. Не учит же ни хрена и при этом крепкая хорошистка. А все почему? — Он поднял вверх указательный палец. — Потому что понимает, что такое человеческий фактор.

— Человеческого фактора, Ваня, мне на работе выше крыши хватает, — Света решительно встала. — Пойдем, а то на пару опоздаем.

На пару они не опоздали, но Свету это не спасло. Интуиция не зря нашептывала, что если утро началось не с дуги, то и весь день пойдет наперекосяк. Так

оно и вышло. В расписании занятий произошли изменения, и вместо милейшей Евгении Евгеньевны в аудиторию заявила Марья Сановна, мымра, каких поискать, и, между прочим, супруга декана. Она окинула разом сникшую компанию орлиным взором, причем Свете показалось, что на ней взор задержался дольше, чем на остальных. Ох, не к добру это...

Интуиция не подвела. Вместо опроса Марья Сановна устроила фейсконтроль. Естественно, ей не понравился именно Светин фейс.

— Корнеева, что у вас с лицом? — прошипела она.

Вообще-то, с лицом у нее было все более или менее нормально, если не принимать во внимание синяки под глазами, появившиеся после бессонной ночи.

— А что с моим лицом? — на всякий случай уточнила Света.

— Оно у вас, как... — Марья Сановна не договорила, уставившись теперь на ее руки.

Руки как руки. Ну да, маникюр ярковат, но его в универе еще никто не запрещал, как и синяки под глазами. Можно подумать, ей самой так уж нравится алый лак. Это все издержки профессии — ее руки всегда должны находиться в идеальном состоянии и обращать на себя внимание в том числе ярким маникюром. Конечно, вернувшись домой, лак стоило стереть, но теперь уже что...

— Извольте покинуть аудиторию, — Марья Сановна взмахнула рукой в направлении двери.

— Почему? — Вот дурная у нее привычка докапываться до сути вещей. И без того же ясно — почему. Потому что эта мымра имеет на нее зуб. Наверняка супружник наябедничал.

— Потому что ваш внешний вид не соответствует высокому званию российского студента, — отчеканила Марья Сановна.

— Что-то я не видела в университетском уставе пункта, касающегося цвета ногтей, — буркнула Света, недовольно косясь на делающего ей предупредительные знаки Ивана.

— Корнеева, вам что-то не нравится? — Марья Сановна растянула губы в недоброй улыбке. — Так сходите в деканат, пожалуйста на преподавательский произвол.

Вот, значит, как! Выходит, у них там не только семейный подряд, но еще и круговая порука! Ладно, видит бог, она не хотела опускаться до грубого шантажа, но если миром не получается...

Света собрала вещи, посмотрела на застывшую каменным истуканом Марью Сановну.

— Всего хорошего! — В конце концов, ей же еще и лучше, сейчас поедет домой и выспится наконец по-человечески.

— Рано расслабились, Корнеева, — Марья Сановна мстительно блеснула очами. — Встретимся в субботу на отработке!

Все, если у Светы еще оставались сомнения, то после этих слов они рассеялись как предрассветный туман. Сегодня же надо будет попросить Лешку, чтобы сбросил ей на диск запись, на которой пьяный в зюзю декан обнимается с девицей легкого поведения и просяживает денежки из семейного бюджета за игральным столом. А на что он рассчитывал?! Думал, что будет ее прессовать, а она и ответить не сможет? Забыл, видать, старый хрыч, что в казино ведется постоянное видео-

наблюдение. Хорошо бы Лешка работал сегодня в ночную смену, потому что с его напарником договориться не получится, а время идет, и хотелось бы к завтрашней встрече с деканом быть во всеоружии.

Несмотря на то что до полудня оставалось еще много времени, солнце уже палило вовсю. Света чертыхнулась, достала из рюкзака бейсболку, надвинула ее на самый нос. С солнцем у Светы с детства были очень сложные отношения. Солнце ее не любило, ну и она, разумеется, отвечала ему взаимностью.

А о какой любви может идти речь, когда ты — альбинос, и солнечный свет для тебя не то чтобы смертелен, но достаточно неприятен? Это только обывателям кажется, что альбинизм — чисто косметический дефект, а на самом деле проблема куда серьезнее. Светлую кожу можно запудрить или замазать тональным кремом. Волосы, брови и ресницы — покрасить. Проблема с чересчур светлыми, до прозрачности, глазами решается с помощью цветных контактных линз. Принимая во внимание арсенал имеющихся у современной женщины косметических средств, устранить недостатки во внешности легко. Основная же неприятность заключается в другом: в повышенной светочувствительности. Кожа, лишенная меланина, сгорает практически мгновенно, покрывается волдырями, потом очень долго шелушится. Примерно та же беда творится с глазами: от солнечного света на сетчатке могут появиться самые настоящие ожоги. Постоянно приходится щуриться, зимой и летом ходить в солнцезащитных очках. Казалось бы, мелочь, а очки многих раздражают. Людям гораздо комфортнее, когда они видят глаза собеседника. И с одеждой возникают проблемы: кофточки с коротким ру-

кавом днем не поносишь, мини-юбки тоже. Вернее, поносить-то можно, но недолго. А вот расплачиваться за эту красоту и сексуальность придется много дней, потому что даже солнцезащитные кремы не спасают кожу от ожогов.

Вот именно из-за этих неприятностей Света предпочитала темное время суток и межсезонье, хотя глубоко в душе мечтала о море и жарком пляже. Это, конечно, и вовсе не достижимо, но так хочется...

В ее крохотной квартире царил кавардак. Ничего удивительного — она сама же это безобразие и сотворила. После ночной смены в казино между работой и учебой у нее оставалось чуть больше часа на то, чтобы принять душ, смыть с кожи и волос запах сигаретного дыма, переодеться и выпить чашечку кофе для бодрости. Времени на то, чтобы разложить вещи по своим местам, не оставалось. Единственное, чего она себе не позволяла ни при каком раскладе, — это грязную посуду в мойке. За грязную посуду ее особенно сильно ругал дед, пока был жив...

Обычно Свете не ставили две ночи подряд, но у сменщицы Лоры Степановой заболел ребенок, и прошлой ночью пришлось выйти сверхурочно. А будущая ночь — это уже ее законная. Две ночи на ногах и без сна она точно не выдержит, так что черт с ним, с порядком, сначала нужно отоспаться.

Отоспаться Свете не дали. Стоило только задремать, как затрезвонил мобильник. Не открывая глаз, она нащарила на тумбочке телефон, поднесла к уху и гаркнула во все горло:

— Ритка, я тебя убью!

В трубке слышалось сначала глупое хихиканье, а уже потом голос подруги:

— Угадай, куда я сейчас собираюсь.

— Не знаю, — застонала Света.

— Я собираюсь в то самое место.

— Какое то самое место?

— То самое, про которое мне никому нельзя рассказывать.

— Ну так и не рассказывай. Зачем звонишь-то?

— Как думаешь, какое мне платье надеть? — Ритка ничуть не смутилась. — Он сказал, чтобы обязательно было вечернее платье. Ну, так какое: бирюзовое или черное?

— Ритка, иди к черту! Мне через пару часов опять на работу, — свободной рукой Света помассировала раскалывающийся от боли висок. Кажется, придется пить обезболивающее, потому что если она не выпьет его сейчас, потом станет совсем плохо, а впереди еще одна бессонная ночь.

— Правильно, я тоже думаю, что бирюзовое больше подходит к случаю, — сказала Ритка. — Я в нем вся такая трогательно-невинная.

На мгновение Света даже позабыла про головную боль. Трогательно-невинная! И это после надцатой по счету «любви с первого взгляда».

— Но, с другой стороны, в черном я вся такая роковая, — не унималась подруга. — Опять же, черное стройнит.

— Иди в черном, — Света сползла с дивана, нащарила в сумке таблетки, побрела на кухню за стаканом воды.

— Или все-таки бирюзовое? — вопрошал тем временем мобильник.

— Ритка, иди вообще без платья — произведешь фурор!

— У них, кажется, без платьев не принято. Они ж не нудисты.

— А кто они?

— Не могу сказать, — подруга горестно вздохнула. Чувствовалось, что поделиться секретом Ритке хотелось до зарезу, но, похоже, таинственный незнакомец взял ее в нешуточный оборот, если она не рассказывает о своих планах даже лучшей подруге. — Ты бы видела его тачку! Это же бэтмен-мобиль, а не машина! — сообщила Ритка доверительным шепотом. — Снаружи черная-черная, а внутри отделана красной кожей. Стоит, наверное, дурных денег. Корнеева, кажется, я влюбилась насмерть.

— В бэтмен-мобиль? — Таблетка застряла на полпути и не желала двигаться дальше. Света сделала глоток воды, покашляла.

— Да при чем здесь бэтмен-мобиль? — обиделась Ритка. — Я влюбилась в его хозяина. Он такой необычный.

— Рита, во-первых, ты повторяешься, — таблетка наконец проскользнула в желудок, — а во-вторых, будешь болтать — опоздаешь на свидание. Скажи хоть, это твое загадочное место, про которое нельзя говорить, в городе?

— За городом. Так что с платьем?

— Хоть бы что, — буркнула Света. — Ты там смотри, не позволяй этому бэтмену голову себе дурить и денег с собой на всякий случай возьми.

— Зачем? — удивилась Ритка.

— На обратную дорогу. А то мало ли, вдруг бэтмен-мобиль сломается.

— Вот умеешь ты поддержать, Корнеева. И откуда в тебе столько пессимизма?

— Я не пессимист, я реалист. И бэтменов всяких-разных насмотрелась, причем в среде их естественного обитания.

— Мой не такой, — сказала Ритка убежденно.

— Не обольщайся, все они одинаковые. — Конечно, у подружки романтическое свидание, но нельзя же быть такой неисправимой идеалисткой. Кто-то должен отобрать у нее розовые очки. — Ладно, Рит, развлекайся и мне звони, если что.

— «Если что» не случится, — заверила ее подружка и отключилась.

Света покачала головой, положила мобильный на кухонный стол, сама уселась тут же на табуретку. Все, стараниями Ритки сон как ветром сдуло. Она осмотрелась — самое время для генеральной уборки. Завтра пятница, впереди выходные, пусть не совсем полноценные — в воскресенье в ночную смену выходить, — зато, если удастся разжиться диском с компроматом на декана, про субботнюю отработку можно будет забыть. Вряд ли декан захочет, чтобы запись попала в руки его благоверной. Света улыбнулась. Получается, что относительно свободными у нее будут и суббота, и воскресенье. Это ж какая роскошь! Сейчас надо только поднапрячься, сделать уборку, переглядеть ворох скопившегося за неделю белья — в общем, поработать на благо своего светлого будущего. А то, что не выспалась... Ну что ж, как раз для таких форс-мажорных обстоятельств и придуманы энергетические напитки.

В казино Света пришла на полчаса раньше, специально, чтобы иметь возможность осуществить свой

иезуитский план с компроматом. Хоть здесь ей повезло — на смене был Лешка, значит, есть шанс договориться. Лешка немного поартачился, но потом согласился-таки просмотреть запись за прошлую субботу.

— Ничего не обещаю, — сообщил он, включая аппаратуру. — Сначала сам гляну что к чему, а уж потом решу. Время-то хоть какое? С какой камеры смотреть?

Света нахмурилась, припоминая.

— Время около двенадцати ночи, вторая камера, — она осторожно погладила Лешку по плечу. — Лешенька, ну, пожалуйста, мне очень нужно.

— Всем что-то нужно, — проворчал тот, колдуя над клавиатурой, — а мне потом Борман башку снесет.

— А он и не узнает, я ж специально пораньше пришла, чтобы у тебя проблем с начальством не возникло.

— Предусмотрительная, да? — Лешка кивнул на монитор, на котором мелькали кадры ускоренной перемотки. — Ну, смотри, который из этих удальцов тебе нужен.

— Рано, — Света покачала головой. — Чуть вперед прокрути. Стоп!

Лешка нажал на паузу, и на экране застыла блаженно жмурящаяся морда декана.

— Этот?

— Он самый. Значит, мне нужно с этого момента и до того, как он закончит лапать проститутку.

— Подожди. Надо ей, видите ли, а кто он вообще такой?

— Да так, козел один.

— Он, может быть, и козел, но в первую очередь клиент казино. Смотри, Света, если ты задумала что-нибудь противозаконное...

— Леш, — она сложила руки в умоляющем жесте, — ну посмотри на меня! Я же олицетворение законопослушности.

— А этот, — Лешка кивнул на экран, на котором в этот самый момент декан гладил проститутку по заднице, — олицетворение чего?

— Вот тебе наглядная иллюстрация, — Света поморщилась. — В общем, он мой декан. Он мне прохода не дает, вот и решила подстраховаться.

— В каком смысле прохода не дает? Домогается, что ли? — Лешка грозно нахмурился.

Света на секунду задумалась. Конечно, о физическом насилии речь не идет, а как насчет морального?..

— Домогается, — сказала она и для пущей убедительности потупила очи.

— Так, может, я ему просто морду набью? — предложил сердобольный Лешка.

— Не надо ему морду бить, мы все цивилизованно решим. Пригрожу, что покажу это безобразие его жене, — и все дела.

— Физическое внушение — оно как-то надежнее, а то мало ли что? Вдруг жаловаться прибежит. Информация-то конфиденциальная.

— Не прибежит, ему же самому лишний шум не нужен.

— Эх, подведешь ты меня когда-нибудь под монастырь, — Лешка отправил в дисковод услужливо подсунутый Светой диск. — Имей в виду: если меня подпалят и с работы турнут, я к тебе жить приду.

— Не подпалят, — Света чмокнула его в щеку. — Спасибо, Лешенька, ты настоящий друг.

Лешка пробурчал в ответ что-то невразумительное и расплылся в довольной ухмылке:

— Вьешь ты из меня веревки, Корнеева.

Она не стала спорить, энергично покивала, сказала с придыханием:

— Алексей, ты мой герой!

— Да ладно тебе, — его улыбка стала еще шире. — Заходи почаще, а то тут скука неимоверная.

— Так уж и скука, — Света спрятала в сумочку диск с компроматом. — Может, математик сегодня придет, вот и повеселитесь.

«Математиками» они называли тех чудаков, которые играли в рулетку не просто так, а по системе. По роду службы Света была знакома с дюжиной таких «беспроигрышных» систем. В теории они выглядели гладко и иногда даже логично, но теория и практика — совершенно разные вещи. И Света, вот уже без малого три года отработав крупье, знала это как никто другой. В казино нет и не может быть системы. Выигрыш — это всегда случайность, улыбка фортуны. Иногда, правда, выигрыш может стать результатом нечистоплотной игры или использования подручных средств. На курсах им рассказывали про парочку английских парней, которые вмонтировали мини-компьютер в мобильный телефон. Компьютер этот вроде бы просчитывал скорость вращения рулетки и вероятность выпадения того или иного числа. Говорят, те ребята сорвали очень большой куш, правда, однократно, больше их на порог казино не пустили. Но тот случай — скорее исключение из правил, чем закономерность.

В постоянных Светиных клиентах числился один весьма приятный интеллигентный дяденька из числа вя-

лотекущих лудоманов, который был абсолютно уверен, что выиграть можно, изучив и просчитав технику и силу броска крупье. Свои безобидные изыскания он проводил за Светиным столом, мелким выигрышам радовался как ребенок и приписывал их исключительно своей гениальной системе, хотя Света прекрасно понимала, что никакая это не система, а чистейшей воды теория вероятностей. Дяденька был безобидным, проигрывал гораздо больше, чем выигрывал, поэтому на его причуды администрация казино смотрела сквозь пальцы. А вот к остальным «математикам» отношение было не столь лояльным. Иногда, хоть и крайне редко, среди них попадались подозрительно везучие товарищи. За такими наблюдали с особенным вниманием и, когда их выигрыш достигал некоей «критической массы», вежливо, но настойчиво просили покинуть заведение. В случае, если клиент попадался особо непонятливый и строптивый, просьбы сопровождалось физическим внушением. Как любила говаривать Светина начальница Ангелина Леонидовна: «Игорный дом — это не благотворительный фонд, это машина для зарабатывания денег, и задача персонала своевременно выявлять и нейтрализовать всякого рода везунчиков».

Вот как раз один из таких «математиков»-везунчиков и нарисовался на горизонте четыре дня назад. Первый его визит пришелся на Светину смену, и стол для игры он выбрал именно ее. Наверное, решил, что если она самая молодая из крупье, то ничего подозрительного не заметит. Поначалу она и не заметила. Клиент как клиент, с виду ничего особенного. Лет около тридцати — тридцати пяти, из-за сизой щетины не определишь точнее. Лицо симпатичное, лишь самую малость мрач-